Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 33. ИЗДАНІЯ ГОДЪ XVII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ШУТЪ

12 Августа 1895 г. № 33.

Пріемъ объявленій по **25 коп.** за мѣсто занимаемое строкою **петита**, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

Она.—Да мы съ вами старые друзья... Помните, тогда у меня еще не было ни рысаковъ, ни брилліантовъ...
Онъ.—Да, помню... помню... за то у меня тогда было и то и другое.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.

Шекспиръ.

Нашъ нервный вѣкъ сказывается.

Мы начинаемъ горячиться.

Даже хладнокровные, какъ бѣлуга, англичане—и тѣ начинаютъ вести себя не такъ, какъ подобаетъ истымъ сынамъ джина и ростбифа.

Депутатъ Таннеръ ругательски изругалъ Гаррингтона.

Этого мало:

Чемберлена онъ назвалъ Іудой.

Но и этого мало:

Жокей Дрисколь отстегалъ хлыстомъ жокея Денна.

Куда мы идемъ?.. That is the question!..

Если почтенные „сэры" и не менѣе почтенные „мистеры" выходятъ изъ себя...

Если сыны туманнаго Альбіона не щадятъ своей репутаціи самыхъ хладнокровныхъ обитателей земного шара...

Если англійскій Пломъ-Пуддингъ начинаетъ кипѣть...

Это лучшее доказательство, что нашъ нервный вѣкъ даетъ себя чувствовать.

Современный Шекспиръ (а ихъ, кажется, у насъ штукъ до двухсотъ) навѣрное вложитъ въ уста своему Гамлету монологъ, начинающійся словами:

— Бить или не бить?

All right!..

* *
*

На прошлой недѣлѣ газеты писали одновременно и объ опустошительныхъ пожарахъ на Руси, и объ огнеупорномъ составѣ Бабаева.

Крайности сходятся.

Поэтому, вѣроятно, злосчастный Бабаевъ вынырнулъ со своимъ „изобрѣтеніемъ" какъ разъ въ то время, когда „красный пѣтухъ" разгулялся по русскимъ городамъ и деревушкамъ.

Чудодѣйственный составъ Бабаева *сжегъ* уже не мало денегъ у русскихъ предпринимателей и тѣмъ доказалъ свою *огнеупорность*.

Однако ни огонь, ни какая другая стихія не можетъ охладить рвенія Бабаева.

Онъ выступаетъ съ новыми опытами, съ новыми доказательствами, съ новыми предложеніями.

Огнеупорный изобрѣтатель оказывается крайне упорнымъ субъектомъ.

„Смерть пожарамъ!" — вотъ лозунгъ Ѳедула Бабаева.

* *
*

Мы скучаемъ.

Чтобы развлечь насъ, наши антрепренеры уже давно изъ кожи вылѣзли.

Раньше они давали намъ „естественныя" развлеченія.

Теперь они рѣшились быть „оригинальными".

Они *зимой* устраивали баталіи *цвѣтовъ*.

А *лѣтомъ* придумали давать *маскарады!*

Бѣдные Барнумы!

Какъ они похожи на... обезьянъ.

Стоило одному справить какой-то нелѣпый юбилей, какъ тотчасъ же каждый антрепренеръ оказался *юбиляромъ*.

Пришло въ голову другому устроить еще болѣе нелѣпый лѣтній маскарадъ, какъ черезъ день во всѣхъ садахъ начались маскарады.

Вотъ что значитъ конкуренція, и вотъ что значитъ отсутствіе изобрѣтательности.

Ставимъ „nota bene" нашимъ Барнумамъ печальнаго образа.

* *
*

Средина августа настраиваетъ насъ на осеннія мысли.

Слѣдуетъ подвести итогъ лѣту и открыть чистую страницу для осеннихъ счетовъ.

Августъ—мѣсяцъ плодовъ.

Посмотримъ, какіе плоды онъ принесъ намъ съ собою:

Плоды думскіе: новый фильтръ и новое переливанье гг. гласныхъ изъ пустого въ порожнее.

Плоды обывательскіе: пустота въ карманахъ, тяжесть въ головѣ. Тотализаторскіе билеты и ломбардныя квитанціи.

Плоды антрепренерскіе: жалобы о неплатежѣ артистамъ, иски о растратѣ ввѣренныхъ залоговъ, дыра въ бумажникѣ.

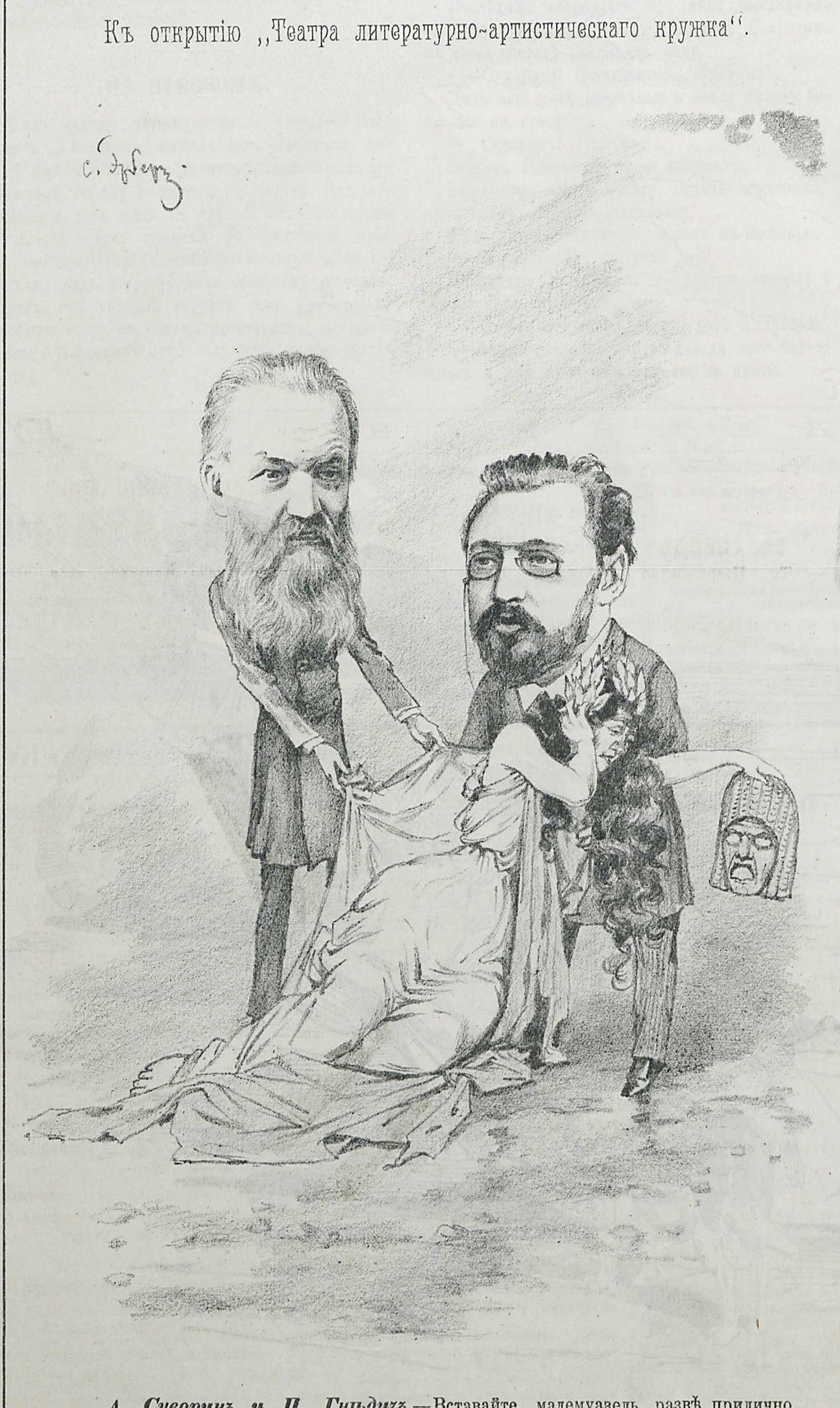
Плоды просвѣщенія: шестилѣтній мужчина, ставящій красненькую на „Абассъ-Пашу", и семилѣтняя дама, играющая на „пониженіе" на биржѣ.

Плоды фруктовые: дыни, арбузы, яблоки, персики, груши и прочее.

Пріятнаго аппетита, читатель!..

Шутъ 2-й.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

А. Суворинъ и П. Гнѣдичъ.—Вставайте, мадемуазель, развѣ прилично драматической музѣ валяться въ грязи?..

Мельпомена.—Икъ... икъ... А... вввамъ какое дѣло!.. Икъ... икъ!...

О БОРЬБѢ.

— Пять разъ я отправлялся смотрѣть борьбу Моора съ Козулякомъ, и все понапрасну!

— Почему же? Билетовъ, что ли, не было?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Борьба бываетъ къ самому концу вечера, а меня, какъ ты знаешь, позже второго антракта никогда не выводятъ.

БАЛЛАДА ВЪ ПРОЗѢ.

(На испанскую тему).

Закутавшись въ плащъ и надвинувъ сомбреро на глаза, съ мандолиною за спиною, донъ Лопата ди Барбосъ шелъ вдоль слабо освѣщенныхъ заборовъ... Ничто, кромѣ шаговъ гидальго, не нарушало испанской тишины... Альгвазилъ, свистя носомъ, дремалъ, прислонившись къ забору...

Вотъ донъ Лопата, придерживая рукою мандолину, перемахнулъ черезъ заборъ... Осторожно ступая черезъ клумбы, онъ приблизился къ балкону... Раздались нѣжные звуки мандолины, и гидальго тихимъ голосомъ запѣлъ серенаду... Напрасно! Черноокая красавица не выглядывала изъ окна и не бросала къ ногамъ его розы.

Донъ Лопата бросилъ мандолину и, сплюнувъ, проговорилъ:

— Крѣпко, однако, они всѣ дрыхнутъ... Можно дѣйствовать! Ну, смѣлѣй за работу!

Ступивъ на балконъ, онъ привычною рукою содралъ съ него парусину.

Microbus.

ВЪ БЛИЗКОМЪ БУДУЩЕМЪ.

— Дорогая Анна Львовна! Позвольте вамъ предложить руку и сердце!

— Съ удовольствіемъ бы, Леонидъ Григорьевичъ, но,—я вамъ скажу откровенно,—у меня слишкомъ мало средствъ, чтобы содержать мужа.

К. Тото.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Изъ терпѣнія вывели.

Слѣдователь.—Что же васъ побудило поджечь занимаемую вами дачу?

Подсудимый.—Я хотѣлъ, чтобы проклятое фортепіано во второмъ этажѣ сгорѣло.

* * *

Неудачникъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! только я вздумаю предложить руку и сердце молодой дѣвицѣ, непремѣнно окажется, что она уже лѣтъ двадцать пять замужемъ!

* * *

Все равно.

— Ты дрался когда-нибудь на дуэли?

— Нѣтъ,—но пощечины я получалъ...

Сомъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Константинополь. Великій визирь сдѣлалъ заявленіе, что онъ намѣренъ ввести самыя широкія—шире турецкихъ шароваръ—реформы въ турецкой Арменіи. Услышавъ это, секретарь визиря, Свистунъ-паша, много смѣялся и, схватившись за животъ, померъ со смѣху. Оставшись неутѣшными вдовами, сто двадцать гурій изъ гарема Свистунъ-паши заявили, что онѣ ищутъ новаго общаго супруга во всѣхъ странахъ Европы, не исключая и Россіи.

Римъ. Вслѣдствіе ненастья у Криспи отклеились усы, при чемъ оказалось, что Криспи—вовсе не Криспи, а переодѣтая итальянская балерина синьора Дефичито. Извѣстіе это произвело сенсацію, противъ которой приняты санитарныя мѣры. Между прочимъ увѣряютъ, что Криспи уже давно померъ.

Римъ. (Дополнительная телеграмма). Криспи (настоящій) явился въ квиринальскій полицейскій участокъ, гдѣ заявилъ, что онъ, Криспи, и не думалъ помирать, а весной, сбривъ предварительно усы и надѣвъ женскій парикъ, отправился на гастроли въ Петербургъ, въ качествѣ кафе-шантанной пѣвицы. Въ доказательство Криспи представилъ десятокъ рецензій трехрублевыхъ рецензентовъ и три пустыхъ бутылки изъ-подъ финь-шампань.

Лондонъ. Маркизъ Салисбери схоронилъ концы своихъ интригъ противъ Россіи. На похоронахъ присутствовалъ чрезвычайный японскій посланникъ.

ИЗЪ МЫСЛЕЙ ПШЮТТА.

Кокотокъ я сравнилъ бы съ коньякомъ,
А честныхъ женщинъ съ сельтерской водою,
И, чтобъ былъ лучше вкусъ (признаюсь вамъ тайкомъ),
Мѣшаю я то и другое.

Кудр. сат.

ВЪ ГОРОДЪ СОБИРАЕТСЯ.

— Ты, Пьеръ, куда переѣзжаешь? Неужели въ городъ?

— Да, пора... Дачницы купаться перестали, и теперь рѣшительно не съ чего больше фотографіи снимать!..

К. Тото.

У ДАЧНАГО ФОТОГРАФА.

— Ну, что, готовы мои карточки?

— Пожалуйте, сударыня: карточки вышли какъ нельзя лучше! Сходство поразительное!

— Боже мой!.. Что это такое? На носу бородавка!.. У меня нѣтъ никакой бородавки!..

— Позвольте-съ... гдѣ это?.. А!.. это не бородавка, это муха-съ... Я не виноватъ... Вы должны были согнать ее.

— Да развѣ я знала, что вы снимете муху!.. Вы мнѣ сказали, чтобы я сидѣла спокойно, и я боялась пошевельнуться!..

Джонъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПѢСЕНКА.

«Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Казанкѣ...»
Народная пѣсня.

Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Фонтанкѣ,
Тѣло бѣлое плыветъ...

Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому,
Бѣдный репортеръ идетъ...

Увидавши тѣло,
Увидавши бѣло,
Вмигъ онъ книжку достаетъ.

Словъ онъ не жалѣетъ,
Вретъ и не краснѣетъ,
И замѣтку создаетъ.

Подсчитавши строчки,
Онъ безъ проволочки
Въ типографію идетъ.

Делирикъ.

МЕЖДУ ПРІЯТЕЛЬНИЦАМИ.

— Ну, что, Маня, весело было на бенефисѣ Роста?

— Ахъ, ужасно! Толпа оттиснула меня отъ мужа, а затѣмъ я встрѣтила трехъ совершенно приличныхъ молодыхъ людей, которые говорили мнѣ сальности. Понимаешь, они меня приняли за кокотку. Ахъ, какъ я хохотала!..

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Первое мѣсто—скачкамъ.

Имъ всецѣло принадлежатъ пальмы первенства и лавры славы за искусство развлекать въ наше пусто-порожнее время и за искусство извлекать презрѣнныя бумажки.

Лавры—побѣдителямъ кармана.

Пальмы — на трупы жертвъ общественнаго темперамента.

Толпа, наполняющая коломяжскій ипподромъ, не уступаетъ въ кровожадности и въ тотализаторскомъ азартѣ древнимъ римлянамъ, неистовавшимъ въ римскомъ циркѣ при скачкахъ „голубыхъ“ и „зеленыхъ“.

На послѣдней скачкѣ упалъ ѣздокъ-охотникъ баронъ Вольфъ и его лошадь „Ла-Мюэтъ“ сломала ногу.

Жокей Вернъ слетѣлъ съ сѣдла „Діадемы“ и разбился, какъ говорятъ, на смерть.

Не осталась цѣла и публика. Какой-то купецъ, поставившій изрядную сумму на „Лабрадора“, замѣтивъ на финишѣ, что его фаворитъ сдаетъ, схватился за сердце, упалъ и умеръ отъ аневризма.

Послѣднее слово этого купца на этомъ свѣтѣ было: „ррракккалія!!“... посланное по адресу отставшаго „Лабрадора“.

Бѣдныя дѣти и бѣдная жена, осиротѣвшія, лишившіяся отца благодаря „Лабрадору“, пришедшему въ хвостѣ „Лео“. Какъ объяснить дѣтямъ весь ужасъ ихъ положенія?..

— Поймите, бѣдные малютки, вы оттого стали сиры, лишились отца, что вашъ папаша держалъ въ тотализаторѣ на „Лабрадора“, а „Лабрадоръ“ отсталъ. Нѣтъ, дѣтки не поймутъ, они еще слишкомъ малы... Они будутъ только плакать.

* * *

Намъ пришлось подслушать случайно нижеслѣдующій разговоръ:

— Для чего актрисы выходятъ замужъ?

— Гм!.. Это довольно щекотливый вопросъ; мнѣ кажется... для того же, для чего и всѣ женщины.

— Ну, нѣтъ, актрисы, въ этомъ случаѣ, стоятъ совершеннымъ особнякомъ и нисколько не нуждаются въ постоянной опекѣ и охранѣ какого-нибудь одного мужчины, и онъ скорѣе мѣшаетъ успѣху и развитію таланта женщины. Искусству нужна свобода, а въ семьѣ оно чахнетъ.

Такъ, или приблизительно такъ, разговаривали два джентельмена, сидя на скамейкѣ въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній.

— Женщина, отдающая на позоръ лучшія движенія своего сердца, имитирующая порывы души и лгущая ежевечерне передъ толпой... какая это жена и мать!?..

— Избитыя истины. Примѣромъ можетъ служить чета артистовъ Онежскихъ-Валдайскихъ.

— Вы, видно, съ ними мало знакомы, а мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ не одного курьезнаго съ ними происшествія.

— Неужели?..

— Вы знаете, что со дня свадьбы прошло около трехъ мѣсяцевъ, и не менѣе трехъ разъ они уже разъѣзжались; самъ Онежскій-Валдайскій гуляетъ постоянно татуированный коготками супруги, а супруга мѣняетъ поклонниковъ чуть не еженедѣльно... Вы видѣли ея бриллліанты, въ которыхъ она была на скачкахъ?

— Еще бы, они было произвели настоящій фуроръ, но потомъ оказалось—эти брилліанты фальшивые!

— Кто вамъ сказалъ?

— Это вѣрно—мнѣ говорилъ самъ Онежскій-Валдайскій.

— Ха-ха... Представьте, эти брилліанты купилъ его женѣ владѣлецъ одной скаковой конюшни, и заплатилъ большія деньги, а мужу было сказано, что они фальшивые и стоятъ грошъ.

— Какой онъ профанъ!..

— Не совсѣмъ... На-дняхъ онъ приноситъ женѣ дешевенькое брилліантовое колечко: „вотъ, мой другъ, это тебѣ... Носи на здоровье... Я

— Говорятъ, кузенъ, вы не устаете за каждой юбкой бѣгать?..
— Клевета! Ну, что мнѣ въ юбкѣ?

— Ну, а если бы, зятекъ, я тонула въ этомъ пруду,—вытащили бы меня?
— Конечно, нѣтъ,—вѣдь все равно, мамаша, на васъ ничѣмъ не угодишь.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

— Удовлетвореніе! Удовлетвореніе!!. кричалъ Кипятѣловъ, бѣгая по комнатѣ, гдѣ только что засталъ на мѣстѣ преступленія возлюбленнаго своей супруги, совсѣмъ неизвѣстнаго ему мужчину.

— Удовлетвореніе?.. Я готовъ... хорошо-съ!..

— Мы будемъ стрѣляться! Черезъ платокъ! заявилъ Кипятѣловъ, но тотчасъ же подумалъ: „Нѣтъ, это не годится! У меня нѣтъ хорошихъ носовыхъ платковъ... Всѣ прачка до дыръ простирала!“

— Мы будемъ стрѣляться такъ... просто!.. Безъ платковъ! На три шага!..

— Я... готовъ... На три шага, говорите?..

— Нѣтъ, на три далеко... Я могу промахнуться... На полтора шага... Или нѣтъ, лучше всего на рапирахъ! Я хочу пррроколоть васъ! Я хочу посадить васъ, какъ индюшку, на вертелъ!..

— Извольте... Я готовъ и на рапирахъ...

— Нѣтъ, впрочемъ, рапиры къ дьяволу!.. Еще у меня сломается... Мы по-американски... Дуэль на ядахъ! Мы должны умереть оба! Что? Испугались? Отказываетесь?

— Нисколько... Я на всякое удовлетвореніе готовъ!

— Да! Мы выпиваемъ ядъ... Ядъ, милостивый государь, ядъ!!! Я-я-ядъ!!!

— Слышу! Вы напрасно кричите!..

— Вашу карточку! Вы мнѣ противны! Я смотрѣть не могу на васъ безъ отвращенія! У, и рожа-то какая противная! Тьфу!

Въ это время незнакомецъ, доставая карточку, раскрылъ набитый радужными бумажками бумажникъ.

Кипятѣлова передернуло, и онъ подумалъ: „Сколько у него денегъ, а мнѣ нужно до зарѣзу и никто уже не даетъ... Вотъ бы перехватить?“

— Извольте мою карточку! произнесъ незнакомецъ.

— Карточку? Ахъ, да, да... Мерси... Очень пріятно... Pardon! У меня до васъ есть покорнѣйшая просьба... Одолжите, пожалуйста, двадцать пять рублей... Я вамъ черезъ недѣлю отдамъ! То-есть, до зарѣзу нужно!

Каземъ-Муратъ.

ДАЧНАЯ БАЛЛАДА.

«Кто скачетъ, кто мчится
подъ хладною мглой?»

— Кто пьетъ изъ бутылки подъ хладною мглой?
— Я пью! Также пьетъ дачный сторожъ со мной.
— Зачѣмъ ты, о, дачникъ, къ бутылкѣ прильнулъ?
— О, сторожъ, тать дачный кинжаломъ сверкнулъ;
Онъ въ бѣлой папахѣ, съ большой бородой...
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.
— О, сторожъ,—бѣсъ это, подъемлющій хвостъ,
Онъ шепчетъ мнѣ снова про Троицкій мостъ,
Которымъ украсится скоро Нева...
— О, дачникъ, кричитъ это сдуру сова...
— О, сторожъ, послушай,—поетъ онъ какъ бардъ
И намъ обѣщаетъ дешевый ломбардъ...
— О, дачникъ, повѣрь мнѣ: ослышался ты!
То вѣтеръ шумитъ и колеблетъ кусты...

. . . .

Заснулъ я... Проснувшись и громко икнувъ,
Умывшись и въ зеркало дико взглянувъ,
Я съ дачи своей улизнулъ словно тать
И въ городъ помчался квартиру искать.

Евт. Бомба.

ДОБРѢЙШІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Макаръ Макаровичъ Поликарповъ былъ милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. Совѣсть его была чиста какъ брилліантъ въ витринѣ Фаберже. Онъ во всю свою жизнь никому не сдѣлалъ зла, никого не обидѣлъ. Если, бывало, клопъ или блоха кусали его, то онъ бережно бралъ ихъ за лапки и относилъ на кухню, говоря:

— Матреша, вотъ тутъ клопикъ... надо бы его, собственно, вывести изъ квартиры...

Поликарповъ одѣлся и вышелъ на улицу.

— Эхъ! надо непремѣнно заказать прюнелевые сапоги на пробковой и резиновой подошвѣ! размышлялъ онъ дорогой.—Кожаные сапоги не даютъ мнѣ покоя, терзаютъ, мучаютъ меня!.. Быть можетъ они когда-нибудь мирно щипали травку на зеленомъ просторѣ полей!? Бѣдные сапоги!.. Тобишь, бѣдное животное!.. Сегодня же куплю другіе, и тогда я—вегетаріанецъ въ идеальнѣйшемъ смыслѣ этого слова!..

— „Селедки голландскія!“ послышался около него крикъ торговки.

Макаръ Макаровичъ заткнулъ уши и прибавилъ шагу.

— „Куры битыя, куры!..“ слышался гдѣ-то зычный басъ торговца.

— Экіе варвары! возмутился Поликарповъ и нанялъ извозчика.—Увези ты меня, Бога ради, отъ этихъ возмутительныхъ, душу-раздирающихъ криковъ! Увези скорѣе! просилъ онъ Ваньку, садясь въ пролетку.

Извозчикъ стегнулъ лошаденку.

— Зачѣмъ же ты, любезный, лошадь бьешь?..

— Какъ же ее не бить, коли у меня кнутъ имѣется? резонно замѣтилъ Ванька, вторично вытянувъ лошадь.

— Стой! Я слѣзу... На тебѣ деньги... Ты—варваръ!..

Макаръ Макаровичъ пошелъ пѣшкомъ...

Вернувшись домой, Поликарповъ сѣлъ обѣдать. Пообѣдавъ, онъ собрался было немного вздремнуть, какъ къ нему явилась кухарка.

— Обѣдъ-то понравился? улыбаясь спросила она.

— Очень, Матреша, очень! Мнѣ такіе обѣды всегда нравятся; отъ нихъ здоровѣе будешь.

— Насытились, значитъ? Супъ-то скусенъ былъ?

— Очень вкусный.

— То-то оно и есть! Съ говядиной завсегда скуснѣе...

— Что!?..

— Говорю, съ говядиной—скуснѣе. Два фунтика мясца купила, да и сварила вамъ на здоровье...

— Что-о!?..

Макаръ Макаровичъ вскочилъ какъ ужаленный и схватился за животъ.

— Два фунтика—по семнадцати... Первый сортъ!.. Не сумлѣвайтесь, сама нюхала—парная...

— Го-го!?... Го-го-го!!!... испускалъ Поликарповъ неопредѣленные звуки, наступая на кухарку.—Го-го!!... Ка-касторки!..Го-го!..Скорѣе!.. Ка-ка-касторки!.. заголосилъ вдругъ Макаръ Макаровичъ и выбѣжалъ изъ комнаты...

К. Рикъ.

не могъ смотрѣть равнодушно, что моя жена носитъ фальшивые брилліанты, и я продалъ татарину твои стекла, а вмѣсто нихъ купилъ эту небольшую, но „настоящую“ бездѣлку“. Женѣ пришлось, скрѣпя сердце, промолчать и поблагодарить мужа за „настоящее“ колечко.

— Ха-ха-ха... Молодецъ!.. И что же, много выручилъ онъ отъ этой комбинаціи?..

— Говорятъ, порядочно... Но всѣ деньги онъ въ какіе-нибудь полмѣсяца проигралъ на тотализаторѣ...

Дальнѣйшая судьба четы Онежскихъ-Валдайскихъ мнѣ неизвѣстна, такъ какъ раздался звонокъ въ театръ и всѣ направились въ вестибюль.

**

Макарьевская ярмарка открыта.

Интеллигенція, повидимому, не интересуется этимъ торговымъ „пупомъ“. „Интеллигентный“ разговоръ больше вертится на велосипедныхъ шинахъ, на тотализаторѣ, на назначеніи Ивана Петровича на мѣсто Петра Ивановича, на канцелярскихъ сплетняхъ и на новыхъ „этуаляхъ“ въ кафешантанахъ...

Въ коммерческихъ кружкахъ макарьевскіе интересы „злоба дня“. Повсюду ведутся дѣловые разговоры:

— Теперича, ежели взять въ разсужденіе, насчетъ пеньки—большое воображеніе надо имѣть!.. А, какъ полагаете?..

— Вотъ-съ гдѣ эта пенька у меня сидитъ съ прошлаго лѣта... Простому человѣку эфтакого дѣла ни въ жисть не обработать, потому теперь весь расчетъ гамбургскіе агенты сбиваютъ...

Купеческія жены, покинутыя супругами на время ярмарки, воютъ—и не напрасно:

— Маинька, вы таперича не мужняя жена, а законная вдова второй гильдіи купца Вавилонова.

— Это почему ты меня отъ живого мужа вдовой дѣлаешь?

— А слыхали, какъ тятенька на макарьевской орудуетъ съ купцомъ Запивохинымъ,—въ газетахъ его уже пропечатали и портретъ приложили... А телеграмма его что означаетъ, помните: „Купчихѣ Вавилоновой. Твердементе макарони обобрали стервицини“... Повѣрьте, маинька, такого давленія въ большомъ количествѣ вынести невозможно.

Купчиха воетъ бѣлугой.

**

Чиновникъ, надѣлавшій массу ошибокъ въ переписываемой бумагѣ, робко подалъ ее своему начальнику. Прочитавъ бумагу, начальникъ, нахмуривъ брови, грозно посмотрѣлъ на бѣднаго чиновника и проговорилъ:

— Скажи, братецъ, отчего ты такъ глупъ?

Чиновникъ, потупя глаза, отвѣтилъ:

— Я... собственно не глупъ, но говорятъ, что меня въ дѣтствѣ подмѣнили.

**

Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ адвокатовъ около полугода былъ влюбленъ въ одну преминенькую актрису, но вотъ, недавно, явившись къ ней, онъ неожиданно задалъ ей такой вопросъ:

— Мари, что это у васъ за шишка подъ глазомъ; вамъ надо ее свести, она васъ чрезвычайно уродуетъ.

— Вы только сегодня замѣтили во мнѣ это несовершенство, которымъ я награждена природой? Это значитъ, что вы перестали меня любить... Полгода вы не замѣчали этой маленькой бородавки, теперь она кажется вамъ шишкой, а скоро будетъ огромнымъ наростомъ... Намъ надо разстаться, пока вы не замѣтили другихъ недостатковъ.

И они разошлись.

Во-время!..

С. Эръ.

— Доколѣ ты, Липатычъ, потрошить-то насъ будешь? Вѣдь лопнешь же ты когда-нибудь!
— Ну, съ вашихъ потроховъ не лопнешь: потому—жидки они очепно.

ЛОВУШКА.

Тщетно интервьюеръ Кисточкинъ добивался свиданія съ биржевымъ тузомъ Искаріотовымъ, дабы получить отъ него матеріалъ для продолженія своихъ газетныхъ очерковъ: „Биржа и ея хамелеоны“.

Въ первый разъ Кисточкину сказали: „не принимаетъ!“.

Во второй разъ сказали: „дома нѣтъ!“.

Въ третій разъ Кисточкинъ услышалъ голосъ Искаріотова: „Иванъ, да спусти ты его съ лѣстницы, пусть онъ ступени пересчитаетъ!“...

Повидимому, очерки „Биржа и ея хамелеоны“ должны были оборваться на самомъ интересномъ мѣстѣ...

* * *

Въ одно прекрасное утро, Искаріотовъ получилъ по почтѣ раздушенное письмецо на розовой бумагѣ.

Письмецо было слѣдующаго содержанія:

„Дуся тузикъ! Пріѣзжай завтра въ „Аркадію“ на карнавалъ-маскарадъ. Тобою интересуется одна особа. Ищи голубое домино съ бѣлымъ бантомъ на груди. Твоя, если захочешь, Кися“.

Биржевой тузъ заржалъ отъ удовольствія и, взглянувъ въ зеркало на свою орангутангоподобную физіономію, процѣдилъ сквозь вставные зубы:

— А вѣдь я еще того... недуренъ!..

* *

Когда биржевой тузъ Искаріотовъ пріѣхалъ въ „Аркадію“, карнавалъ-маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ: дамы и кавалеры съ азартомъ перекидывались конфетти и апельсинными корками; изъ заднихъ аллей доносились звуки поцѣлуевъ и визгъ.

Искаріотовъ оглянулся по сторонамъ и тотчасъ же замѣтилъ бродившее у входа голубое домино съ бѣлымъ бантомъ на груди.

Домино, въ свою очередь, замѣтило Искаріотова и поспѣшно приблизилось къ нему.

— Здравствуй, папашка! А я тебя уже давно жду!.. сказало домино пріятнымъ, бархатнымъ контральто и затянутой въ перчатку ручкой ударило биржевого туза по затылку.

Биржевой тузъ покачнулся и, потирая затылокъ, промычалъ:

— Однако, какая у тебя тяжелая рука, милочка!..

— А это тебѣ за то, что заставилъ себя ждать!.. Однако, что же ты меня ужиномъ-то не угощаешь?..

— Сейчасъ, сейчасъ, цыпочка!.. засуетился Искаріотовъ и кликнулъ человѣка.

Черезъ минуту Искаріотовъ и голубое домино сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ. Биржевой тузъ маслеными глазами смотрѣлъ на незнакомку и, распуская слюни, сюсюкалъ:

— Послушай, душечка, сними маску!..

— Ишь, ты какой!.. захихикало домино.— Вѣдь двухъ часовъ еще нѣтъ!.. Да ты не безпокойся: останешься доволенъ!..

— Ну, хоть одинъ поцѣлуйчикъ, раскрасоточка!..

— Экой ты неотвязчивый!..

Незнакомка протянула Искаріотову губы. Биржевой тузъ плотоядно чмокнулъ ихъ.

— Фу, какъ отъ тебя чеснокомъ пахнетъ!.. поморщилось домино, незамѣтно отплевываясь.— Ну, да это пустяки!.. Ты мнѣ все-таки нравишься!.. Ахъ, ты пузатикъ этакій!..

Домино ласково похлопало Искаріотова по объемистому брюшку.

Биржевой тузъ отъ удовольствія зажмурилъ глаза.

— Ну, что, папочка, какъ поживаешь, какъ биржевыя дѣла идутъ?.. продолжало домино.

— Да ничего, душечка, слава Богу!..

— Разскажи-ка ты мнѣ что-нибудь биржевое, а я тебѣ потомъ ухъ какую исторію про себя разскажу!..

Разсиропившійся и заинтригованный Искаріотовъ началъ биржевое повѣствованіе.

Незнакомка слушала и задавала вопросы, но наконецъ, повидимому соскучившись, встала.

— Ну, прощай!.. Спасибо за угощеніе!..

— Куда же ты?!.. изумился Искаріотовъ.— Странно... Какъ же такъ?..

— А такъ!.. Пузатикъ... Ха...ха...ха... захохотало домино, неожиданно переходя изъ контральто въ чистѣйшій басъ.— Теперь мнѣ нужно поскорѣе записать наше интервью, да поспѣть съ нимъ въ типографію.

— Какое интервью?!..

— А вотъ какое!..

Домино сняло маску, и обалдѣвшій биржевой тузъ увидѣлъ бритую физіономію интервьюера Кисточкина, пожертвовавшаго для этого случая своей растительностью.

Ап. Бельведерскій.

ДИПЛОМАТКА.

— Твой женихъ, Зина, въ восхищеніи отъ твоей игры на роялѣ, а вѣдь ты совсѣмъ плохо играешь... Что это значитъ?

— Мы его провели... Мамаша сдѣлала такъ, что онъ музыку слышалъ изъ другой комнаты, а въ это время играла не я, а нанятая нами піанистка!..

Аб—ръ.

ДОВОЛЕНЪ.

Встрѣчаются два пріятеля, давно другъ друга не видавшіе.

— Здорово, миляга! Какъ живешь-можешь? Я слыхалъ, что ты женился,—правда это? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Женился.

— Что же, счастливъ? Доволенъ женой?

— Гм!.. Н-да, доволенъ... Одного только я ей простить не могу, что она меня не вышвырнула вонъ, когда я, дуракъ, дѣлалъ ей предложеніе...

Rick.

НЕ ТАКЪ ПОНЯЛА.

Господинъ разговариваетъ съ молодою купчихой.

— Вообще я давно это знаю, что ваш супругъ человѣкъ очень нравственный!

— Ну, вотъ! Что вы, батюшка, да такіе ли *нравственные*-то мужья бываютъ! А мой, что за нравственный: онъ ежели и въ пьяномъ-то видѣ, такъ и то только развѣ кулакомъ по столу ухнетъ! Настоящій-то нравственный человѣкъ, тотъ безъ драки никогда не обойдется!

Гливр.

ШКОЛЬНЫЯ МЕЛОЧИШКИ.

— Ивановъ, чему вы смѣетесь? Вы, негодный мальчишка, смѣетесь надо мною?

— Нѣтъ, помилуйте...

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю, что вы нашли въ классѣ смѣшного?!.

—

Учитель.—Петровъ, рѣшите задачу: если я принесу пять яицъ, а вы три,—сколько всего будетъ?

Ученикъ нѣмецъ.—Я, г. ушителъ, не могу нести яици...

Трр...

ПЧЕЛА.

Ты видишь,—расцвѣтаетъ
Въ твоемъ саду цвѣтокъ,—
Надъ нимъ пчела порхаетъ
И пьетъ пахучій сокъ...
Ахъ, безъ сомнѣнья, злая
Сейчасъ мнѣ мысль пришла:
Цвѣтокъ—я, дорогая,—
А ты,—моя пчела!

Пикадоръ.

ИЗЪ СУПРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ.

Жена.—...Пришли мнѣ, дорогой попочка, какъ можно скорѣе 500 рублей. Деньги необходимы на самыя необходимыя необходимости.

Твоя Киса.

P.S. Чуть не забыла послать тебѣ поцѣлуй...

Мужъ.—...Шлю тебѣ мой сердечный привѣтъ и крѣпко цѣлую тебя, мою кошечку. Береги свое здоровье, не скучай и чаще пиши мнѣ.

Твой попочка.

P.S. Да! Чуть было не забылъ сказать, что денегъ выслать не могу.

НА УЛИЦѢ.

Бесѣдуютъ два пріятеля.

— Бывалъ ты въ „Монплезирѣ“?

— Разъ какъ-то былъ.

— Какое же ты впечатлѣніе оттуда вынесъ?.

— Ничего не вынесъ,—меня самого вынесли.

Mita.

За редактора издатель *Р. Голике.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Августа 1895 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.